

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 390(571)

Е.Л. Зберовская

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ВЫСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ (1940–1950 гг.)

В статье анализируются формы адаптации выселенцев, направленных на спецпоселение в Сибирь в 1940–1950 гг., рассматриваются факторы, влияющие на ускорение и замедление адаптационных процессов. Особое внимание уделяется проблемам взаимодействия переселенцев разных этнических групп и местного населения. Показаны формы самоорганизации спецпоселенцев, появившиеся в условиях новой социокультурной среды.

Ключевые слова: спецпоселение, адаптация, социализация, "адаптационный синдром", толерантность, комплементарность, защитные механизмы, этнокультурная среда.

E.L. Zberovskaya

ETHNIC AND CULTURAL ADAPTATION PECULIARITIES OF PEOPLE WHO HAVE BEEN EVICTED IN SIBERIA (1940–1950)

Adaptation forms of people who have been evicted and deported to Siberia in 1940–1950 are analyzed in the article; the factors influencing acceleration and deceleration of adaptive processes are considered. The special attention is given to the issues of interaction between the immigrants from different ethnic groups and local population. Self-organization forms of the special deportees appeared in the conditions of new social and cultural environment are shown.

Key words: special settlement, adaptation, socialization, "adaptive syndrome", tolerance, complementarity, protective mechanisms, ethnic and cultural environment.

Осуществляемые советским руководством в 1940 – начале 1950-х гг. массовые принудительные переселения различных национальных и социальных групп значительно разнообразили сибирское этнокультурное пространство. Высланные спецпоселенческие группы в Сибири проходили климатическую и социокультурную адаптацию. Под социокультурной адаптацией мы понимаем процесс приспособления к жизнедеятельности сибирского социума, поиск и обретение в нем своей социальной и культурной роли. Высланные в Сибирь спецпоселенцы (которых в официальных бумагах часто именовали «выселенцами») вынуждены были вновь проходить социализацию, поскольку прежние социальные связи оказались разорванными. Утрата значительной части нажитого имущества, прежней профессии, конфессиональных, родственных, культурных контактов приводила выселенцев в маргинальное состояние, выход из которого во многом был связан с адаптацией к новым условиям жизни.

Важной составляющей адаптационного процесса представляется «культурная память» этнически неоднородных выселенцев, которым предстояло не просто существовать в условиях новой природной и социальной среды, но и усваивать формы диалога с ней, не утрачивая при этом своей культурной идентичности. Это позволяло в определенной мере не просто приспособливаться к новым реальностям, а активно воздействовать на них (например, создавать свои творческие коллективы, выдвигать представителей для связи с властью на местах и т.д.). В этом проявлялась как адаптивная, так и адаптирующая активность отдельных этнических групп переселенцев.

Адаптация любого индивида к новым условиям предполагает отказ в той или иной степени от прежних социальных связей. В случае добровольного изменения внешнего окружения и принятия адаптационных условий, на первый план в проведении адаптационной стратегии выходят индивидуальные характеристики личности (пол, возраст, образование и т.д.), позволяющие ей освоить новые социальные роли, обрести определенный социальный статус. В условиях несвободы индивидуальные и личностные качества играют,

на наш взгляд, важную, но не определяющую роль. Здесь более важны факторы внешние – политика государства и уровень комплементарности местного сообщества. Об успешности протекания адаптационного процесса, вероятно, можно говорить в случае сочетания всех трех факторов, влияющих на этот процесс.

В интерпретации проблемы адаптации велики риски субъективизма в подаче материала. Основным источником в ее исследовании являются воспоминания, интервью самих депортированных, которые, как правило, являются эмоционально насыщенными из-за пережитых испытаний и солидного возраста респондентов. Не обладают абсолютной достоверностью и нормативные документы – распорядительная и делопроизводственная документация государственных органов, включая материалы ведомственного архива МВД. Известно, что в СССР существовал «государственный заказ» на наличие или отсутствие информации, а допускавшиеся сведения тщательно дозировались. Однако без изучения и сопоставления этих источников невозможно полноценное освоение темы.

Характерной чертой депортации этнических и социальных групп был их массовый характер. Однако групповые практики адаптации были присущи не всем переселенческим группам, поскольку значительная часть «спецконтингентов» была распылена по сибирской территории. Подобный принцип расселения, характерный для немцев, калмыков, финнов (и в меньшей степени для польских осадников и ссыльнопоселенцев, направленных в спецпоселки), снижал возможности использования групповых форм адаптации. Ведущую роль в этом процессе играли индивидуальные или семейные практики. Именно семье, как носительнице этнокультурной традиции, принадлежала важная роль в протекании процесса адаптации и дезадаптации. Например, до депортации воспитание немецких детей было тесно связано с семьей и религией. Во многих семьях существовал обычай собираться по вечерам и читать главы Библии, петь религиозные песни. Омская исследовательница А.Н. Блинова отмечает, что религиозным воспитанием внуков, как правило, занимались бабушки и дедушки¹.

Важная роль в адаптации спецпоселенцев принадлежала государственным органам. Принудительный характер переселений, осуществляемых советским государством, предполагал дальнейшее участие властных структур в организации жизнеобеспечения «спецконтингентов» в местах расселения. В силу объективных (мобилизация всех средств на военные нужды) и субъективных (нерадивость отдельных управленцев) причин местные руководители часто не могли создать для выселенцев удовлетворительные социально-бытовые условия. Но то, что власти всех уровней были заинтересованы в скорейшей трудовой адаптации высланных групп, не вызывает никаких сомнений. От этого зависело выполнение производственных заданий, да и сохранение «в строю» прибывшей рабочей силы.

Социальная адаптация взрослых выселенцев началась по прибытии в Сибирь, потому как они сразу включались в трудовой процесс. Именно совместная производственная деятельность депортированных и сибиряков стала одной из ведущих форм приспособления к внешней среде. Спецпоселенцы были включены в состав уже существовавших бригад или, образуя собственные трудовые коллективы, получали наставника из числа местных жителей. В ходе совместной деятельности высланные люди осваивали не только новые для себя профессии (пильщика, рубщика, рыбака и т.д.), но и малознакомый для многих русский язык.

Многие спецпоселенцы старались хорошо работать, чтобы зарекомендовать себя в новом сообществе с положительной стороны и доказать окружающим, что они не хуже местного населения. Известно, что в советский период успехи ударников и стахановцев получали общественное признание, сами передовики пользовались уважением. Спустя 2–3 года после переселения, по мере освоения новых профессий, среди спецпоселенцев появлялись передовики производства. Например, высокая производительность труда немцев-спецпереселенцев отмечается в отчете Таймырского рыбколхозсоюза за 1945 г., где они, перевыполнив план на 160–230 %, составили 90 % лучших рыбаков². Отметим, что для местных властей успехи спецпоселенцев, достигнутые на производстве, являлись важным критерием их адаптации.

Особым вниманием органов власти пользовались дети и спецпоселенческая молодежь. Отношение советского правительства к детям спецпереселенцев было неоднозначным. С одной стороны, условия их жизни ничем не отличались от положения других возрастных категорий депортированных, с другой стороны, государство показывало заинтересованность в обучении молодого поколения. Районные управления образования были обязаны выявить всех детей-переселенцев школьного возраста и «охватить их

¹ Блинова А.Н. Участие детей в обрядах и обычаях немцев Сибири // Немцы в Сибири: история, язык, культура: мат-лы междунард. науч. конф. (Красноярск, 13–16 окт. 2004 г.) / отв. ред. В.А. Дятлова. – Красноярск, 2005. – С. 93–99.

² ГАКК. Ф.Р. – 1444. Оп. 1. Д. 8. Л.13.

всеобучем». Добиваясь привлечения детей в местные школы, советское руководство в лице Наркомпроса, очевидно преследовало сразу несколько целей. Во-первых, ускорить процесс бытовой и языковой адаптации. Во-вторых, показать заботу государства о соблюдении конституционных прав детей. В-третьих, противопоставить общественное воспитание влиянию семьи.

Наркомпрос достиг своих целей лишь частично. Вскоре после расселения выяснилось, что многие дети спецпереселенцев не посещают школу. Главными виновными назывались местные руководители, которые «не оказали помощи по устройству детей в школы»³.

Основной причиной срыва всеобуча являлось бедственное материальное положение семей выселенцев. Дети не посещали школу из-за отсутствия одежды и обуви, их число неуклонно возрастало. Естественным следствием плохого материального положения были частые болезни детей.

Хуже всего дела с обучением обстояли в старшей возрастной группе. Часто подростки сами категорически отказывались посещать школу. Их позиция вполне понятна – они вынуждены были работать, чтобы помочь своей семье выжить.

Весьма скептически к обучению детей в русских школах относились родители. Многие польские осадники в начале учебного года не отпускали своих детей учиться. Свое протестное поведение они подтверждали словами: «Мы уедем в Польшу, и там их будем учить». Поляков, главным образом, не устраивало то, что обучение их детей проводится на русском языке. К тому же в советских школах постоянно велась атеистическая пропаганда⁴. Поляки же, являясь ревностными католиками, хотели сохранить религиозность и в своих детях.

Сохранившиеся документы о работе детских домов, где размещались дети польских переселенцев, свидетельствуют, что особое значение в воспитательном процессе придавалось политическому просвещению подрастающего поколения. В этом вопросе сотрудники детдомов должны были четко следовать существующим идеологическим установкам. Председатель комитета по делам польских детей в СССР Г.И. Иваненко так формулировал задачи очередной пропагандистской кампании: "В период подготовки к празднованию 26-й годовщины РККА в школах, детских домах, детских садах для польских детей должны быть проведены беседы о значении празднования дня Красной Армии. Польские дети должны уяснить, что Красная Армия – есть армия защиты мира и дружбы между народами всех стран. Она создана не для завоевания других стран, а для защиты границ Советской страны"⁵. Понятно, что далеко не все взрослые поляки после присоединения к СССР Восточной Польши разделяли такие политические оценки советской власти.

В отчетах детских домов можно увидеть, что политическое воспитание детей проходило на уроках истории и во внеурочное время при проведении бесед и политинформаций. Советское руководство, очевидно, рассчитывало, что дети будут более лояльно настроены к Советской власти, нежели старшее поколение поляков.

Серьезной преградой в адаптации маленьких переселенцев в Сибири стало незнание русского языка. Прежде всего, это касалось немцев, литовцев, латышей и поляков. В некоторых населенных пунктах, где они первоначально были расселены, местные власти организовали начальные школы или специальные классы при НСШ. Занятия здесь начинались с изучения русского языка. Создание новых классов и школ доставляло району много хлопот – успеваемость была невысокой, учебники отсутствовали, учителей-специалистов не хватало. В результате они просуществовали недолго. Спецпереселенцы подверглись дальнейшим принудительным перемещениям, и школы были закрыты.

Еще более сложным оказалось положение тех детей, которые вместе с родителями были направлены в северные районы на рыбные промыслы. Возможность получения образования у таких детей и вовсе была небольшой. Бывшие школьники становились молодыми рыбаками и пушниками. Их заработок увеличивал шансы семей переселенцев на выживание.

Несмотря на трудности первых лет жизни на спецпоселении, у юного поколения спецпоселенцев стремление к получению образования сохранилось. Возможности для его реализации возникли уже после окончания войны, и особенно после соединения разрозненных депортациями и трудармией семей. Дети спецпоселенцев старались хорошо учиться в школе. Это был самый доступный способ самоутверждения в иноязычной среде. «Начальную школу закончила на «отлично», – с гордостью вспоминает депортированная в Омскую область калмычка Р.К. Урхаева, – у меня сохранились похвальные грамоты с портретами Ленина и

³ ГАКК. Ф. Р. – 1386. Оп. 4. Д. 40. Л. 13.

⁴ Там же. Ф. Р. –1383. Оп. 1. Д. 259. Л. 62, 82 об.

⁵ Там же. Д. 646. Л. 16.

Сталина. Ко мне все относились хорошо»⁶. Дети старались активно проявить себя и во внеучебной деятельности – занимались в спортивных секциях, кружках художественной самодеятельности. Многие с большой теплотой впоследствии вспоминали о школьной поре, несмотря на то, что она пришлась на годы сибирской ссылки.

Обзор личных дел спецпоселенцев показал, что депортированные часто обращались в местные комендатуры с просьбами разрешить выезд в города для продолжения обучения. По данным переучета МВД, в составе немецкого контингента в Красноярском крае были 671 учащийся, у калмыков – 250 человек, у «оуновцев» – 187 человек. Большую активность в вопросе получения образования проявляли немцы. Например, в томских вузах и техникумах в январе 1952 г. обучался 101 человек, состоявший на спецучете, в том числе 60 немцев, 29 ссыльно-поселенцев, 17 детей «оуновцев», 4 калмыка, 1 турок⁷.

Очевидно, что для спецпоселенческой молодежи образовательные учреждения играли роль своеобразных «социальных лифтов», расширявших их мобильность в обществе. В начале 1950-х гг. окончание учебного заведения было не только общественно значимым, но психологически важным для самих выселенцев результатом их адаптации в местном сообществе. Образование было одной из сфер, где стремления спецпоселенцев (получить образование) и определенные действия государства (по обеспечению этого права) совпадали. И хотя мотивы сторон были разными, в итоге образовательные институты сыграли свою роль в ускорении процесса социализации.

Образовательная активность спецпоселенческой молодежи все же имела территориальные ограничения. Разрешение на выезд в город получали не все просящие. Обучаться в столичных вузах спецпоселенцы вообще не могли. Народный художник России Тойво Васильевич Ряннель вспоминает, как статья 38 в паспорте не позволила ему поступить в Ленинградскую Академию художеств⁸. Первая большая персональная выставка Т.В. Ряннеля прошла в Красноярске только в 1959 г.

Государство подходило дифференцированно к разным возрастным группам спецпереселенцев. Подобная практика сложилась еще в годы кулацкой ссылки. Исследуя отношение власти к трудпоселенческой молодежи, историк С.А. Красильников называет ее «квазипривилегированной возрастной группой»⁹. Данное определение применимо и к младшей возрастной группе спецпереселенцев – она была предметом особой «заботы» государства.

Нормативные и нарративные источники свидетельствуют, что адаптация спецпоселенцев прошла несколько стадий. Характеризуя процесс адаптации вынужденных переселенцев, В.В. Сарнова использует понятие «адаптационного синдрома», под которым понимается совокупность адаптационных реакций человека, призванных защитить его от воздействия окружающей среды¹⁰. Считаем, что эта характеристика вполне применима к первым годам пребывания высланных людей на спецпоселении.

Защитная реакция проявлялась в различных формах – открытом выражении недовольства депортированных, нежелании горожан селиться в сельской местности, поддержании этнокультурных и религиозных традиций, русификации имен и т.д. Одни были связаны с сохранением этнических установок, другие – с конформизмом и желанием избежать возможной агрессии внешней среды.

Защитные механизмы включались сразу по прибытии на новое место жительства. Некоторые переселенцы испытали определенный культурный шок – настолько разительные были перемены в их образе жизни. Так, жительница села Фриденгейм АССР НП, прибывшая на поселение в одну из деревень Новосибирской области, вспоминала: «Такой жалкой деревни я никогда в своей жизни не видела... Сами жители выглядели очень бедно ...»¹¹.

Протестное поведение спецпоселенцев можно рассматривать как одно из проявлений «адаптационного синдрома». Негативное отношение немцев к переселению и новым условиям жизни отразили в своих отчетах работники и райкомов ВКП(б) осенью 1941 г. Они приводили следующие высказывания переселенцев: «Нас сюда в Сибирь загнали не на жизнь, а на смерть, мы в своей республике жили зажиточно и когда поехали сюда, то нам на месте обещали, что по месту вашего жительства вам дадут хлеб, скот и вы будете жить так же, как жили здесь, но здесь мы ничего не получаем и как жить в

⁶ У каждого своя Сибирь. Два рассказа о депортации калмыков // www.elzabair.ru/cntnt/lmemu/stati/af.html.

⁷ ГАРФ. Ф. Р. – 9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 7, 27, 38; Из истории земли Томской. 1940–1956. Невольные сибиряки: сб. док. и мат-лов. – Томск, 2001. – С. 270.

⁸ Ряннель Т.В. Незванный гость. Художник о себе и своем времени: роман в рассказах. – Красноярск, 1998. – С. 206–208.

⁹ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930 годы) – Новосибирск, 2004. – С. 356.

¹⁰ Сарнова В.В., Сарнова В.В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 2005. – С. 175.

¹¹ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 104.

дальнейшем неизвестно»¹². Немцы и калмыки в выражении недовольства в основном ограничивались устными высказываниями. Поляки иногда прибегали к более активным формам протеста – невыход на работу, открытые выступления против плохих условий труда и быта (в Новосибирской и Омской областях их пришлось подавлять с помощью милиции)¹³.

Защитная реакция спецпоселенцев выразилась и в их побегах с мест поселения, которые особенно участились после окончания войны. Особенно часто сбегали «новые» выселенцы – «власовцы», «оуновцы».

Больше всего механизм защиты проявился в поведенческих практиках спецпоселенцев по сохранению своих этнических констант. Основной, на наш взгляд, являлась религия. Очевидно, что сохранение прежних форм конфессионального единства в условиях спецпоселения было невозможно в силу пространственной распыленности депортированных этносов. Но индивидуальные практики исполнения религиозных культов не были утрачены и довольно прочно сохранялись в сознании и поведении старшего поколения спецпоселенцев. В первые годы ссылки вера сохранялась на уровне семьи. Многие немцы вывезли в далекую Сибирь Библию и другие религиозные книги. В калмыцких семьях имелись молитвенные лампадки, хранились рукописные произведения буддистской литературы. Однако в итоге младшее поколение почти не наследовало религиозную традицию. Это происходило по разным причинам: во-первых, поколение «бабушек и дедушек» несло большие демографические потери, поскольку хуже остальных переживало депортацию и социально-бытовую неустроенность в местах вселения, оно не успевало выполнить свою социальную роль – передать ценный этнокультурный опыт внукам; во-вторых, старшее поколение старалось не осложнять жизнь молодежи в новом социуме, где религиозные ценности не признавались. Л.А. Берденова вспоминала: «Я, например, не слышала слово Будда. Теперь я понимаю, как бабушке было трудно. Она никогда при мне не молилась, хотя у нее были четки... Она берегла нас, боялась, что мы можем сказать в школе и нас не примут ни в пионеры, ни в комсомол»¹⁴.

Немного адаптировавшись на новых местах поселения вынужденные мигранты стали восстанавливать конфессиональные связи. По сведениям уполномоченного Совета по делам религиозных культов, наибольшую консолидацию демонстрировали немцы. С 1946 г. в Саянском и Краснотуранском районах Красноярского края они нелегально собирались на квартирах. Группы верующих немцев-баптистов и субботников насчитывали от 15 до 25 человек¹⁵.

По мере ослабления режима спецпоселений после 1953 г. конфессиональная консолидация вынужденных переселенцев росла. В 1955 г. католики г. Красноярска, Игарки, Норильска неоднократно обращались в исполком Красноярского крайсовета с просьбами о регистрации общин и открытии молитвенных домов¹⁶. Значительную роль в оживлении религиозных настроений сыграло освобождение из мест заключения католических священников. Власти отмечали, что вопреки запретам, они ведут активную деятельность. Так, к ксендзам часто обращались спецпереселенцы из Прибалтики с просьбой о совершении обрядов венчания, отпевания и т.д. Священники не только отправляли религиозные обряды, но и пытались добиться от власти признания легитимности деятельности общин. Действия власти объяснялись следующей логикой – общины не признавать, в какие-либо отношения с ними не вступать.

По мере преодоления тягот первых лет депортации доминантой поведения большинства спецпоселенцев становилось приспособление к новым условиям. Интеграция спецпоселенцев в сибирский социум ускорила в конце 1940-х гг. Это было связано не только с их хозяйственно-бытовым обустройством на спецпоселении, но и с осознанием необходимости утверждения в местном сообществе, поскольку ссылка для выселенцев объявлялась бессрочной. Спецпоселенцы стали активнее исполнять не связанные с производством социальные роли. Общественная деятельность стала одной из форм приспособления к окружающей действительности, хотя проявлялась она довольно специфично. В партийно-политической жизни участие переселенцев было незначительным: перед освобождением в сентябре 1954 г. в Красноярском крае находилось 116 членов КПСС и 18 кандидатов в члены КПСС. Среди коммунистов и кандидатов в члены партии были только немцы (81 чел.) и калмыки (53 чел.)¹⁷.

Зато спецпоселенцы находили применение своим талантам и способностям в культурно-массовой работе. Например, в г. Канске немцы организовали струнный кружок при клубе лесозавода и хоровой – при

¹² ГАКК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 105. Л. 8.

¹³ Бруль В.И. Депортированные народы в Сибири (1935 – 1965). Сравнительный анализ// Репрессии против российских немцев. Названный народ: мат-лы конф. (Москва, 18–20 ноября 1999 г.). – М., 1999. – С. 112.

¹⁴ У каждого своя Сибирь. Жизнь калмыков в Средней Азии// www.elzabair.ru/cntnt/lmemu/stati/u_kazhdogo.

¹⁵ ГАКК. Ф.Р. – 2384. Оп. 1. Д. 105. Л. 2 – 3.

¹⁶ Там же. Д. 120. Л. 6.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р–9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 177.

клубе СибСМУ. Немецкий духовой оркестр действовал в Курагинском сельском клубе¹⁸. Кроме того, спецпоселенцы становились активными участниками профсоюзов, кружков ДОСААФ, спортивных секций.

Среди спецпоселенческих возрастных групп наиболее активной была молодежь. На нее в первую очередь делали ставку в своих агитационных кампаниях партийные руководители. В середине 1950-х гг. молодые спецпоселенцы стали чаще вступать в комсомол, занимались в кружках по изучению истории партии, обучались в школах рабочей молодежи. Однако и среди этой возрастной группы политическая деятельность привлекала немногих. В сознании беспартийных спецпоселенцев партийные и комсомольские организации ассоциировались со сталинским режимом, который отправил их в бессрочную ссылку. На протяжении всех лет спецпоселения коммунисты и комсомольцы были обязаны «разъяснять» правильность самых одиозных постановлений и указов советского правительства.

Поведенческие практики переселенцев показывают, что в процессе адаптации они демонстрировали некоторые формы внутренней самоорганизации, которые, с одной стороны, способствовали сохранению этнической идентичности, с другой – ослабляли воздействие внешней среды на индивида. Появление внутриорганизационных форм было продиктовано духовным состоянием депортированных этносов, потребностью защититься от политикоидеологического и социокультурного вмешательства внешней среды. Формы самоорганизации были связаны с этнокультурными традициями депортированных национальных групп – возрождением религиозных общин (большинство из которых были нелегальными), появление музыкальных коллективов (в которых можно было собираться и исполнять национальные песни), справлением (в 1950-е гг.) обрядов, например, свадеб (которые давали возможность ощутить национальную принадлежность и единство).

У польских переселенцев сохранение этничности проявилось в форме домашнего обучения детей. Так, высланный ребенком вместе с родителями в Сибирь Т. Мончинский вспоминал: «В совхозе мы жили в бараке, где у каждой семьи была своя комнатка. Одна из комнат предназначалась под школу (красный уголок) для поляков. Моя мама обучала нас всем предметам. На молитву мы собирались именно в этой «школе» и молились под фигуркой Божьей Матери ...»¹⁹.

Формы этнической самоорганизации могли иметь постоянный (религиозные объединения) и временный характер. Например, бывший спецпоселенец П.О. Годаев вспоминал, что, будучи студентом пединститута в начале 1950-х гг., он знал всех своих земляков, обучавшихся на разных факультетах этого вуза. «Время от времени калмыки собирались на праздники, мы все сбегались»²⁰.

Завершенность адаптационного процесса власть и спецпоселенцы понимали по-разному. Для партийно-государственных структур критериями успешности прохождения адаптации являлись выполнение выселенцами производственных заданий, обзаведение домом и подсобным хозяйством, активная общественная деятельность. Жизнь части «спецконтингентов» (выселенных в годы Второй мировой войны) в начале 1950-х гг. этим критериям частично удовлетворяла.

Для спецпоселенцев показателями адаптации могли выступать признание трудовых заслуг, обеспечение удовлетворительных условий жизни семей, повышение рождаемости, развитие межкультурного диалога в местном социуме. В отношении «старых» «спецконтингентов» можно говорить, что значительная часть вышеприведенных показателей была достигнута большей частью переселенцев к концу 1940 – началу 1950 гг. По свидетельству сибиряков, больших различий в уровне жизни между немцами-спецпоселенцами и местными жителями в начале 1950-х гг. не существовало – «все жили бедно».

Вышеуказанные внешние формы приспособления к новой действительности не означали ее полного внутреннего принятия. Главной константой внутреннего сознания спецпоселенцев было возвращение на родину, в места выселения. Это четко прослеживалось у всех групп депортированных вне зависимости от их срока пребывания на спецпоселении. В середине 1955 г. ссыльные литовцы выражали подобные настроения в письмах к родственникам: «Мы ссыльные живем в Сибири, в лесах. Уже 9 лет, как мы ждем помощи от Всевышнего, чтобы вернули нам свободу, наши литовские поля, кладбища, где положили головы лучшие сыны Литвы, защищая свободу ...»²¹. Немцы, не получив разрешения вернуться после реабилитации в Поволжье, на протяжении всех последующих десятилетий боролись за право восстановления своей автономии.

¹⁸ ГАКК. Ф. 26. Оп. 29. Д. 4. Л. 15. 24 об.

¹⁹ Томчак Р. Традиционные системы ценностей и их влияние на выживание в условиях лагерей и ссылки // Сибирь в истории и культуре польского народа: пер. с пол. – М.: Ладомир, 2002. – С. 467.

²⁰ У каждого своя Сибирь. Два рассказа о депортации калмыков // www.elzabair.ru/cntnt/lmemu/stati/af.html

²¹ Из письма Станкевичуса Игнаса. См.: ГАКК. Ф.П. 26. Оп. 30. Д. 2. Л. 328.

Находясь на спецпоселении, депортированные часто направляли в вышестоящие инстанции просьбы разобраться в их несправедливом наказании. В письме Сталину бывший начальник райотдела милиции из Калмыкии сетовал: «Не знаю и не понимаю, за что страдаю: я член ВКП(б), работал в органах милиции 8 лет. За собой ничего плохого не чувствую, но меня выслали страдать – не понимаю за что»²². Обращения в высшие, региональные, местные органы власти показывают, что внутреннего принятия ситуации выселения у многих так и не произошло. Многие спецпоселенцы верили, что их выслали ошибочно (калмыки) или временно (немцы) и сохраняли надежду на восстановление прежнего (довоенного) положения. Учитывая внешние и внутренние составляющие адаптационного процесса, вряд ли можно говорить о его полной завершенности, так же, как и судить об этом исходя только из внешних форм приспособления к новому социуму.

Обозначившееся несоответствие внутреннего самосознания и внешних форм приспособления свидетельствуют о сохраняющейся этнической доминанте в мировосприятии спецпоселенцев. В ходе климатической, производственной, языковой адаптации расширились возможности социализации переселенцев, но при этом невеликовки их этнических констант не произошло.

Определенную роль в сохранении этнического самосознания играла полиэтническая культурная среда Сибири. Регион отличала не только малая заселенность, но и мировоззренческая терпимость населения, которое относилось к ссыльным с состраданием. Интересны в этом плане замечания самих спецпоселенцев. «А в Киргизии не дразнились, но иногда за спиной я слышала: она – дочь врагов народа. В Сибири на это не обращали внимания, потому что там было очень много ссыльных», – вспоминала бывшая спецпоселенка Л.А. Берденова²³.

Мы не склонны идеализировать отношения сибиряков и спецпоселенцев, особенно в период расселения депортированных семей. До прибытия выселенцев отношение к ним не было положительным. Их представляли как «людоедов», «врагов народа», «чертей с рогами» и т.д. Немцы для сибиряков ассоциировались с фашистскими агрессорами, калмыки – с гитлеровскими пособниками. Не все сибиряки охотно брали выселенцев на подселение в свои дома. Очевидно, что и местное население нуждалось в культурной адаптации к новым соседям.

Межкультурный и межличностный диалог выстраивался на сибирской земле постепенно. По мере знакомства с депортированными семьями отношение местных жителей к ним менялось: «увидев, что это обыкновенные люди, да еще и мастеровые, да в массе своей трудолюбивые, стали оказывать им содействие»²⁴. Трудности военного времени сближали сибиряков и высланных. Взаимодействие спецпоселенцев и местных жителей было наиболее заметным на уровне межличностных контактов в быту и производственной сфере. Так, северяне научили переселенцев употреблять строганину, поскольку в условиях Крайнего Севера наличие в рационе питания белковой пищи увеличивало шансы для выживания. Были случаи, когда местные жители забирали к себе осиротевших детей спецпоселенцев, делились с голодающими семьями дефицитными хлебом и молоком. Многие морально поддерживали переселенцев, принимая репрессирующую повседневность как норму, которая почти не воспринималась сознанием.

В процессе адаптации проходил этнокультурный взаимообмен местного населения и вынужденных переселенцев. Так, немцы привносили в русскую культуру хозяйственность, аккуратность, организованность, деловитость. Даже в сложных климатических условиях Крайнего Севера, куда немцы в составе других «спецконтингентов» были направлены для работы на рыбных промыслах, их отличали работоспособность, строгая дисциплина, обязательность. Возможно поэтому в смешанных рыболовецких колхозах, образованных из «завезенного спецконтингента» (немцев, финнов, латышей и др.), немцы занимали большинство административных должностей.

Можно говорить о достаточно высоком уровне комплементарности сибирского социума, проистекающего, на наш взгляд, из сострадания и терпимости сибиряков к людям, направленным на спецпоселение. Ежи Левицкий – бывший воспитанник польского детского дома в Малой Минусе Минусинского района Красноярского края – с большой теплотой вспоминает о солдатской вдове, сибирячке тете Проне, которая в далеком 1942 г. спасла ему жизнь: «После смерти матери мы с братом решили убежать в Монголию. Услышали от кого-то, что там люди живут очень хорошо ... И уже обессиленных подобрала нас сибирячка тетя Проня». Она ласково приняла польских мальчишек и обрадовалась, когда узнала, что их отец воюет на фронте. Вместе с ними она молилась о здравии отца и возвращении его к

²² Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943–1957 гг. – Элиста, 1991. – С. 72.

²³ У каждого своя Сибирь. Жизнь калмыков в Средней Азии// www.elzabair.ru/cntnt/lmemu/stati/u_kazhdogo

²⁴ Оберман В.Я. О моих земляках и немного о себе. – Красноярск, 2000. – С. 59.

детям²⁵. Это не единственный пример проявления феномена доброты сибиряков, обескровленных войной, но не утративших способности к состраданию чужим людям.

В жизненной практике были зафиксированы факты совместного проведения религиозных обрядов, праздников, получили распространение браки между ссыльными и местными жителями. Л.Н. Славина, исследовавшая социально-демографические и социокультурные последствия депортации и спецпоселения немцев, отмечает, что смешанные браки не имели широкого распространения. Тем не менее анализ разработочных таблиц Всесоюзной переписи 1959 г. позволяет считать, что, как минимум, 2,8 % замужних немцев, проживающих в сельской местности Красноярского края, состояли в браке с мужчинами других национальностей, вероятнее всего – русскими²⁶.

По мере развития межэтнического взаимодействия происходило сближение русских и инонациональных обрядов. Так, главные календарные праздники Рождество, Пасху, Троицу многие немцы-переселенцы стали отмечать дважды – по немецкому и русскому календарям²⁷. Т.Б. Смирнова считает, что совместное проживание представителей разных религиозных общин привело к распространению религиозного синкретизма²⁸. Развивая это положение омской исследовательницы, можно предполагать, что взаимопроникновение религиозных культур явилось в определенной мере продуктом сибирской комплементарности. В итоге, толерантный сибирский социум можно оценить как фактор, способствующий адаптации.

Таким образом, адаптационные стратегии предполагали принятие внешних условий жизни в новом сообществе, а затем и интеграцию в социальную среду для обретения социального статуса. Начальный этап занимал, как правило, 1–2 года, социализация требовала большего времени и растягивалась на несколько лет. Внешнее приспособление не означало полной замены внутренних мировоззренческих констант, особенно у взрослой части спецпоселенцев. Лучше всего это видно у представителей прибалтийских «спецконтингентов», которые были вынуждены приспособливаться к новому климату, условиям труда и быту, но совсем не стремились к интеграции в сибирское сообщество.

²⁵ Низкий поклон тебе, Проня! // www.memorial.krsk.ru.

²⁶ Славина Л.Н. Немцы в Красноярском крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях спецпоселения) // Немцы России и СССР (1900–1941 гг.): мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2000. – С. 514.

²⁷ Евменова Л.Н. Вклад немцев в развитие культуры Сибири. – Красноярск: СФУ, 2009 – С. 184.

²⁸ Смирнова Т.Б. Немецкое население в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспоральной группы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. – Омск, 2009. – С. 25.